

Особенности правового регулирования и защиты прав в цифровом пространстве

Features of Legal Regulation and Protection of Rights in the Digital Space

Мирошник С.В.

Д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти
ФГБОУ ВО «РГУП»

e-mail: miroshnik67@mail.ru

Miroshnik S.V.

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of Law, State and
Judicial Authority, Russian State University of Justice

e-mail: miroshnik67@mail.ru

Аннотация

Цель написания статьи – выделить особенности правового регулирования цифровых правоотношений и специфику защиты прав субъектов цифрового пространства. Исследование проводилось с точки зрения научно обоснованной концепции интегративного правопонимания, в соответствии с которой право представляет собой принципы и нормы права, содержащиеся в единой, развивающейся, многоуровневой системе форм права. Использовались диалектико-материалистический, а также разнообразные общенаучные и частно-научные методы познания правовой реальности. Это дало возможность выделить особенности сетевого общества, специфику правовых связей, складывающихся в цифровом пространстве; признать, что правовое регулирование цифровых правоотношений обеспечивается принципами и нормами права, являющимися результатом государственного и локального правотворчества. Горизонтальные связи, господствующие в цифровой среде, изначальное равенство ее участников обусловили значимость актов локального правотворчества. Цифровое пространство стало необъемлемой частью жизни современного общества. Анализ проекта Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации позволил сделать вывод о необходимости формирования рациональных представлений широкого круга пользователей о значении и возможностях государственной защиты прав и свобод человека и гражданина как в реальном мире, так и в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: право, цифровые правоотношения, правовое регулирование, правотворчество, локальное правотворчество, права и свободы человека и гражданина.

Abstract

The purpose of this paper is to highlight the features of the legal regulation of digital legal relations and the specifics of protecting the rights of subjects of the digital space. The study was conducted from the point of view of a scientifically based concept of integrative law, according to which law is the principles and norms of law contained in a single, developing, multi-level system of forms of law. Dialectical-materialistic, as well as a variety of general scientific and private scientific methods of knowing legal reality were used. This made it possible to highlight the features of a network society, the specifics of legal ties that develop in the digital space; recognize that the legal regulation of digital legal relations is ensured by the principles and

norms of law that are the result of state and local legal creation. The horizontal ties that dominate the digital environment, the initial equality of its participants, determined the significance of acts of local rule. Digital space has become an integral part of the life of modern society. The analysis of the draft Concept of ensuring the protection of human and civil rights and freedoms in the digital space of the Russian Federation made it possible to conclude that it is necessary to form rational ideas of a wide range of users about the importance and possibilities of state protection of human rights and freedoms and a citizen both in the real world and in virtual space.

Keywords: law, digital legal relations, legal regulation, legal creation, local legal creation, human and civil rights and freedoms.

Научно-технологическая революция, наблюдаемая нами, позволила человечеству перейти на новый экономический и социальный уклад жизни. Цифровые технологии создали принципиально новую сферу жизни – наряду с материальным миром появился виртуальный, позволивший удовлетворить многие потребности человека. Стало очевидно, что цифровое пространство – это новая область социального взаимодействия, постоянно развивающегося и изменяющегося. Возникла потребность в его научном осмыслении, определении природы действующих в нем правил (очевидно, что любое социальное взаимодействие невозможно без общеобязательных правил).

Появилось множество научных исследований, авторы которых пытаются дать научное объяснение наблюдаемым явлениям и процессам. Активно развивается новый категориально-понятийный ряд под условным названием «цифровое право», уважаемыми и весьма востребованными стали IT-специалисты – без них сегодня невозможна и немислима наша жизнь.

Изучение широкого круга источников позволило сделать ряд предварительных выводов, а именно: наряду с классическим социумом активно развивается цифровой, удачно обозначенный М. Кастельсом как сетевое общество [1, с. 41-56]. Оно является искусственным творением человека, социальным образованием эпохи научно-технологической революции, носит безгранично-ограниченный характер. Его участником может стать любое лицо, имеющее техническое средство выхода в Интернет. Субъекты сетевого общества равноправны, с одной стороны (каждый волен выбирать электронные ресурсы, исходя из своих потребностей и интересов), и неравноправны, с другой (поскольку обладают разным уровнем технических компетенций, разными техническими средствами доступа к сети).

Получается, что сетевое общество – это часть традиционного общества, взаимодействие которого обеспечивается посредством применения информационно-коммуникационных технологий. Соответственно, так же, как и материнское целое, оно не может существовать без правовых и индивидуальных регуляторов правоотношений (в этом отношении сетевое общество ничем не отличается от традиционного). Классические правоотношения дополнились цифровыми, имеющими ряд особенностей.

Во-первых, для возникновения цифровых правоотношений необходимы не только юридические факты (юридические составы), но и цифровые технологии как «дорожные карты» попадания в цифровую среду.

Во-вторых, субъектами цифровых правоотношений могут быть любые лица, независимо от возраста, состояния здоровья, главное – имеющие доступ к техническим средствам выхода в сеть Интернет.

В-третьих, содержание цифровых правоотношений оказывается шире и богаче классических, поскольку цифровые технологии позволили не только по-новому реализовать классические субъективные права (например, права продавца и покупателя в интернет-торговле) и юридические обязанности (уплата фискальных платежей, подача налоговых деклараций в цифровом формате, не выходя из дома), но и породили ранее неизвестные правовые возможности, создав принципиально новое «поколение прав человека».

Как известно, права первого поколения представляют собой традиционные либеральные ценности (право на жизнь, право на равенство перед законом и иные), получившие юридическое признание в период буржуазных революций и свое дальнейшее развитие в национальных и международных правовых документах.

Права второго поколения, обозначаемые в ряде случаев как «позитивные права», стали результатом борьбы человека за улучшение социально-экономических условий своей жизни. Они воплощаются в социальной защищенности индивидуальных субъектов права, требуют от государства проведения эффективной социально-экономической политики.

После Второй мировой войны стали формироваться предпосылки для выделения третьего поколения прав, имеющих, в отличие от предыдущих, коллективный характер. Только общими усилиями могут быть реализованы право на развитие, право на благоприятную окружающую среду.

Сегодня имеются все условия для признания нового поколения прав, появление которого обусловлено признанием знаний и информации основным ресурсом политического и социально-экономического развития общества. Цифровая реальность невозможна без признания права на поиск и получение цифровой информации, права на распространение цифровой информации. Учеными активно обсуждается содержание и возможность правовой защиты права на забвение, права на анонимность и др.

Как известно, права невозможны без обязанностей. Принцип единства прав и обязанностей относится к числу основных, основополагающих. Цифровой мир в этом плане не является исключением. Его субъекты наделяются как определенным объемом прав, так и обязанностей. Да, в ряде случаев возникают вопросы с их идентификацией, есть сложности с привлечением к ответственности за совершение цифровых правонарушений, но думается, что данные проблемы носят временный характер, технологии будущего их решат.

Отсюда можно сделать вывод о том, что поведение человека как в материальном, так и в виртуальном пространстве формируют определенные правила поведения. Они обязательны, формально определены, адресованы неопределенному кругу лиц, являются результатом творческого синтеза правового и технического регулирования.

Цифровизация кардинально изменила жизнь современного общества. Она привела не только к появлению «цифрового права» (право едино, оно включает в себя классическое и цифровое право), но и к расширению источников и форм права – появлению их цифровых аналогов.

Как известно, источник права – это его начало. В классическом варианте в роли такового выступала воля правотворческого субъекта. В цифровом пространстве она объективно дополняется волей разработчиков программы (весьма спорным представляется характеристика цифровых технологий как нейтральных [2, с. 123]).

Сливаясь в единое целое, воля названных участников получает свою формальную определенность в виде специфических правил поведения, соединяющих в себе социальные и технические начала.

И здесь снова проявляется специфика цифрового пространства, обусловленная открытым характером сетевого общества, изначальным, присущим именно цифровому миру равноправием его участников, господством горизонтальных связей.

С позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания правотворчество отличается видовым многообразием, позволяющим выделять правотворчество народа, правотворчество социальной общности, законотворчество, подзаконное правотворчество, муниципальное правотворчество, договорное правотворчество, локальное правотворчество.

В течение достаточно длительного периода времени локальное правотворчество рассматривалось в науке как дополнительное, второстепенное, производное от

государственного, незначительное по объему и своей значимости. Сегодня ситуация кардинально изменилась. Можно сказать, что настал час локального правотворчества.

Данный вид правотворческой деятельности оказался весьма востребованным в условиях цифровой реальности, в которой каждый сайт, каждый электронный ресурс представляет собой автономное образование, действующее на основе выработанных единственных в своем роде общеобязательных правил поведения. Их действие ограничено, пользователи вольны выбирать те цифровые площадки, правила которых позволяют наиболее оптимально удовлетворить их потребности и интересы (как и в реальном мире, в котором субъект строит свои взаимоотношения с работодателем на основе свободного волеизъявления).

Можно констатировать, что цифровая эпоха – это время локального правотворчества, его бурного развития и процветания.

Конечно, субъекты правотворческой деятельности не могут творить что угодно, в процессе выработки принципов и норм права они связаны общими принципами права, а также принципами и нормами права, обладающими большей юридической силой (имеются в виду, например, принципы и нормы права, действующие по месту регистрации юридического лица – владельца или «держателя» цифровой платформы).

В течение длительного периода времени практически все государства выступали в роли стороннего наблюдателя развития цифровых правоотношений.

Затем ситуация стала меняться. Государство как властвующий субъект, оценив опасности и риски цифровой среды, ее возможности для осуществления своих функций, достижения целей и задач, стало активнее вторгаться в цифровую среду, обоснованно доказывая распространение суверенитета и на данную сферу, поскольку цифровое пространство стало местом совершения как правомерных, так и неправомерных деяний. С рядом правонарушений субъекты цифрового мира могут справиться и сами (например, исключить из числа продавцов, поставщиков недобросовестных лиц), с другими же (например, мошенничество в цифровом пространстве, действия хакеров) – только общими усилиями, подкрепленными мерами государственного принуждения.

В настоящее время правовое регулирование цифровых правоотношений строится на основе принципов и норм, принятых субъектами государственного и локального правотворчества. Например, участники финансовой платформы руководствуются, прежде всего, положениями Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», иными правовыми актами, принятыми органами государственной власти. В то же время на финансовые организации, эмитентов, потребителей финансовых услуг распространяется действие Правил финансовой платформы, разрабатываемых оператором финансовой платформы.

Анализ правовых актов, являющихся результатом локального правотворчества и предназначенных для регулирования цифровых правоотношений, позволяет провести их градацию на две категории:

- локальные правовые акты, требующие предварительного одобрения представителями государственной власти (например, Правила финансовой платформы предварительно подлежат регистрации в Банке России, что означает проведение их правовой экспертизы на соответствие российскому праву);
- локальные правовые акты, не требующие предварительного одобрения.

Цифровизация и ее последствия (в частности, усиление значения локального правотворчества) активизировали проблему обеспечения прав и свобод человека и гражданина в информационной среде. Она является настолько значимой для российского государства, что вопросы обеспечения «безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» [3] нашли отражение в статьях Конституции Российской Федерации. Обусловлено это тем, что защита прав и правовых интересов в цифровом пространстве имеет глобальный характер.

Цифровые технологии, с одной стороны, создали новую виртуальную реальность, новые возможности для человека, а с другой – породили новые риски. Опасности подстерегают субъекта при каждом клике мышки. От несанкционированного доступа, действия вирусных программ не застрахован ни один сайт, ни один пользователь.

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека обратил внимание на ряд негативных тенденций, проявляющихся в последние годы.

С одной стороны, цифровизация позволяет повысить качество государственного управления, перейти на принципиально новый экономический уклад жизни, а, с другой, процесс внедрения цифровых технологий все больше начинает приобретать характер «типичной бюрократической кампании... с лозунгами, шумовыми категориями, формальной «отчетностью с мест». Цифровизация частного сектора экономики отличается «низкой социальной ответственностью бизнеса, серыми внеправовыми схемами сбора и перепродажи данных, усиливающейся дискриминацией пользователей» [4]. Государственная и частная цифровизация превращаются в неуправляемую лавину, в условиях которой оказывается невозможным системное осмысление происходящих изменений, их тактические и стратегические последствия.

Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека совместно с Правительством Российской Федерации в целях выполнения соответствующего поручения Президента Российской Федерации был подготовлен проект Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации, определяющий принципы, цели, задачи и механизмы обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации [5].

Данный программный документ определяет перечень прав и свобод человека и гражданина, подлежащих защите в цифровом пространстве Российской Федерации. Он включает в себя:

- «- право на обеспечение цифрового суверенитета человека;
- право на распоряжение цифровыми профилями и защиту цифровой идентичности;
- право на защиту биометрических и иных персональных данных;
- право на отзыв данных, право на забвение в цифровом пространстве;
- право на защиту от противоправных деяний в цифровом пространстве;
- право на защиту от информационно-психологической манипуляции;
- право на защиту от цифровой дискриминации;
- право на использование традиционных форм взаимодействия граждан, бизнеса и государства;
- право на защиту от негативных социальных последствий цифровизации» [5].

Авторы проекта Концепции особое внимание уделили вопросам защиты несовершеннолетних в цифровом пространстве. Они обратили внимание на необходимость охраны данной категории субъектов права «от противоправного контента в цифровом пространстве, сетевого манипулирования, цифровой дискриминации, замены традиционных образовательных и воспитательных функций педагога автономными системами искусственного интеллекта, цифровой зависимости, причинения вреда здоровью при использовании цифровых технологий» [5].

В соответствии с проектом достижение целей обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве возможно только на основании системного подхода, предполагающего решение ряда задач, связанных, в частности, с совершенствованием правового и индивидуального регулирования цифровых правоотношений, развитием институциональной структуры цифрового пространства, повышением уровня правовой культуры и правосознания граждан (в том числе и по вопросам цифровой грамотности), повышением роли науки в правотворческой и правореализационной деятельности.

Конечно, не все содержащиеся в проекте положения могут быть реализованы в ближайшее время. Например, только в долгосрочной перспективе неизбежно встанет вопрос кодификации правовых актов, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина в виртуальном пространстве.

В то же время анализ данного программного документа, а также целого ряда научных источников заставил еще раз задуматься о необходимости обеспечения терминологической ясности, четкости.

Одной из задач для достижения целей обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации названо развитие саморегулирования в данной сфере. Но это, мягко говоря, не точно. На наш взгляд, во-первых, ошибочным представляется выделение российского цифрового пространства, а, во-вторых, ни о каком саморегулировании речь идти не может, поскольку его просто нет. Саморегулирование – это термин контрпродуктивный, вводящий в заблуждение, а потому приводящий к ошибкам в правотворческой и правоприменительной деятельности.

С позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания самостоятельная и инициативная деятельность субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности по разработке и установлению стандартов и правил данной деятельности [6] является видом локального правотворчества.

В цифровом пространстве, основанном на горизонтальных взаимосвязях, предполагающих равенство участников, нет сегодня потребности в создании саморегулируемых организаций (да и вряд ли возможно их создание). Цифровые пользователи свободны в выборе контрагентов. Информация о недобросовестности того или иного поставщика, продавца со скоростью света распространяется по сети.

В то же время идея о развитии локального правотворчества, расширении правовых возможностей участников цифровых правоотношений по самостоятельной выработке на основе, прежде всего, общих принципов права соответствующих правил поведения значима и актуальна как никогда. Правовое регулирование цифровых правоотношений должно строиться не столько на обязываниях и запретах, сколько на дозволениях, поскольку каждый новый запрет порождает желание его обойти. В итоге в этой гонке в выигрыше окажется тот, кто идет на два шага впереди в технологическом плане.

Одним из приоритетных направлений государственной политики должно стать развитие цифровой грамотности. Необходимо формировать рациональные представления широкого круга пользователей о природе цифрового пространства, его рисках и опасностях, значении и возможностях государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в реальном мире и виртуальном пространстве.

Литература:

1. *Кастельс М.* Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие/ М. Кастельс ; пер. с англ. Н.М. Тылевич ; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой ; под науч. ред. А.И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 3-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 564 с.
2. *Талатина Э.В.* Права и свободы человека// Труды Института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 3. С. 122-146.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// СПС «Консультант Плюс».
4. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М., 2021// <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>.
5. Проект «Концепция обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации»// rocit.ru/uploads/...docx?t=1639585614.

6. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»// Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6076. СПС «Консультант Плюс».